

Кометчиков Игорь Вячеславович

КЛУБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ДОСУГА СЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ 1945-1953 ГГ.

В середине 1940-х гг. власть выделила культпросветработу в отдельное ведомство, стремясь нивелировать противоречившие идеологии послевоенные настроения и мобилизовать общественное мнение вокруг идеи "советского патриотизма" в условиях материально-технической отсталости сферы культуры села. Однако хроническое недофинансирование замедляло восстановление клубных учреждений и ограничивало спектр досуга, который они могли предложить. В сочетании с высокой трудовой занятостью, живучестью традиционных форм досуговой культуры это оставляло большинство сельского населения Центрального Нечерноземья вне повседневного клубного досуга.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 106-112. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

20. Подольська С. А., Подольська Т. В. Філософія: 100 питань – 100 відповідей: навч. посібник для студентів вищ. навч. закладів. Київ: Фірма «ІНКОС», 2011. 352 с.
21. Реймерс Н. Ф. Начала экологических знаний: учебное пособие. М.: Изд-во МНЭПУ, 1993. 262 с.
22. Реймерс Н. Ф. Охрана природы и окружающей человека среды: словарь-справочник. М.: Просвещение, 1992. 320 с.
23. Семиноженко В. П., Канило П. М., Остапчук В. М., Ровенський О. І. Енергія. Екологія. Майбутнє. Х.: Прапор, 2003. 464 с.
24. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

INTERACTION OF SOCIETY AND NATURE AS PHILOSOPHICAL AND EDUCATIONAL FOUNDATION OF ECOLOGICAL CULTURE

Kisel' Elena Viktorovna

Dnipropetrovsk Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Ukraine
Li008@i.ua

Preserving natural environment for subsequent generations under the satisfaction of human needs is one of the major problems of mankind. The article examines the interaction of society and nature as a philosophical and educational foundation of ecological culture. The author describes the historical stages of the interaction of the human being and nature, analyzes approaches to developing ethical and value attitude to nature, as well as the five-phase scheme of the interaction of the human being and nature.

Key words and phrases: ecological culture; system “human being – society – nature”; nature management; environmental protection; ethical and value attitude.

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

В середине 1940-х гг. власть выделила культпросветработу в отдельное ведомство, стремясь нивелировать противоречившие идеологии послевоенные настроения и мобилизовать общественное мнение вокруг идеи «советского патриотизма» в условиях материально-технической отсталости сферы культуры села. Однако хроническое недофинансирование замедляло восстановление клубных учреждений и ограничивало спектр досуга, который они могли предложить. В сочетании с высокой трудовой занятостью, живучестью традиционных форм досуговой культуры это оставляло большинство сельского населения Центрального Нечерноземья вне повседневного клубного досуга.

Ключевые слова и фразы: село Центрального Нечерноземья; культурно-просветительные учреждения; избы-читальни; сельские клубы; культура колхозной деревни; досуг; повседневность.

Кометчиков Игорь Вячеславович, к.и.н.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
kometchikov.igor@mail.ru

КЛУБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ДОСУГА СЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ 1945-1953 ГГ. ©

Степень и способы повседневного влияния низовых звеньев официальных структур на общество в послевоенные годы остаются одним из наименее изученных сюжетов социальной истории советской деревни. В полной мере это касается клубных учреждений, деятельность которых в советские годы считалась продолжением идеологической деятельности КПСС в форме культурно-просветительной работы, прогрессирующей по мере развития материальной базы клубов [1, с. 331-339; 15, с. 192-207, 342-352; 16, с. 14-54; 20, с. 145-152; 22, с. 4, 184-223; 23, с. 296-297; 33, с. 6, 177-204; 43, с. 388-395]. В начале 1990-х гг. более глубокое изучение культурного облика крестьянства приводит к выводу о невысокой отдаче клубных учреждений вследствие недофинансирования, неготовности многих на селе воспринять продвигаемую ими культуру, дефицита свободного времени, распространенности неорганизованного досуга [3, с. 178-191; 9, с. 95, 96, 98, 103, 106-107, 110]. Согласно другому мнению, государство стремилось тотально контролировать сферу культуры и досуга и, несмотря на трудности, улучшило состояние и деятельность клубов, популярных у населения [17, с. 23-24, 26, 48-50, 61-62, 154; 21; 24, с. 11-12, 179; 25, с. 56, 141-142]. Цель данной статьи – на материале села Центрального Нечерноземья 1945-1953 гг. исследовать факторы, определявшие спектр повседневного клубного досуга, и то, насколько разнообразным, доступным и востребованным он был.

В первые послевоенные годы клубные учреждения являлись одним из самых массовых институтов официальной культуры на селе. Выделившись в феврале 1945 г. из системы образования, ведомство «культурно-просветительной работы» [46, с. 3-5] объединило большинство государственных учреждений культуры, взаимодействовавших с аудиторией на основе живого слова. В этом обособлении культпросветработы проявилось стремление власти нивелировать «нездоровые» послевоенные настроения и мобилизовать общественное мнение

вокруг идей «русского» («советского») патриотизма [13, с. 639-640; 34, с. 105-107, 114, 115], когда другие средства идеологического воздействия (кино, радио и др.) еще не получили на селе широкого развития. Несмотря на переименование политико-просветительной работы в культурно-просветительную и формальное отступление от ее идеологизации [25, с. 33, 52-56], стержень деятельности ведомства председатель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР Т. М. Зуева видела в «прямом продолжении массово-политической работы, проводимой большевистской партией среди советского крестьянства» [11, с. 27].

Для повышения результативности работы сельских клубных учреждений было объявлено об их унификации. Всероссийское совещание по культурно-просветительной работе (1945 г.) высказалось за создание в деревне культпросветучреждений «более высокого типа» – государственных сельских клубов – и постепенное вытеснение ими изб-читален как «перестающих в должное мере удовлетворять культурные запросы советского крестьянства» [Там же, с. 33]. В Положениях «О государственном сельском клубе» от 20 июня 1946 г. и от 20 июня 1948 г. перечислялась материальная база клуба, включавшая «оборудованное помещение», отвечающее задачам культпросветработы (зрительный зал со сценой, фойе, библиотека-читальня, комнаты для кружковых занятий, игр и т.п.), участок земли для сада и спортплощадки, библиотеку, наглядные пособия, радио, киноаппарат, музыкальные инструменты, настольные игры, спортивный инвентарь [23, с. 361; 45, с. 4].

Еще до конца войны началось восстановление довоенной сети клубных учреждений [29, с. 41-42], завершение которого планировалось к 1946-1947 гг., а одновременно – радиофикация каждого из них, обеспечение демонстрации кино не менее двух раз в месяц, комплектование инвентарем, библиотеками на 300-500 томов, центральной прессой и т.д. Таким образом, благоустроенные клубы должны были в «ближайшие годы» появиться в каждом селе РСФСР [31, с. 23, 24; 46, с. 30, 31, 34-35].

Однако выполнение этих планов происходило медленно и с большими трудностями. К концу 1945 г. материальная база сельских клубных учреждений была подорвана. В большинстве областей Центрального Нечерноземья незначительное количество изб-читален имели две и более комнат, что позволяло организовать кружковую и лекционную работу, разместить библиотеку и т.д. Только в Рязанской области 44,2% изб-читален имели по две и более комнаты, а в остальных регионах удельный вес таких изб-читален колебался от 0,2 до 14,1%. В Орловской, Смоленской и Тульской областях их вообще не было. Небольшое количество изб-читален имели зрительный зал: в Брянской области – 1,8%, в Ярославской – 5%, в Смоленской – 12,7%, во Владимирской, Калининской, Калужской, Костромской, Московской и Рязанской областях – 24,1-38,6%. В Ивановской области зрительные залы имели 56,7% изб-читален, в Великолукской – 58,6%. Зачастую одна большая комната и составляла все помещение избы-читальни.

Чуть лучше были обеспечены помещениями сельские клубы: их здания были относительно недавно и специально построены для культпросветработы. В Рязанской, Ярославской и Калужской областях по две и более комнат имели 5-6% сельских клубов, в Брянской, Калининской и Костромской областях – 26,3-32%, в Ивановской – 54,2%, во Владимирской – 63,4%. 52,6-100% сельских клубов Великолукской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Костромской, Рязанской и Ярославской областей располагали зрительным залом [7, д. 249, л. 8, 12, 14, 18, 22, 24, 29, 33, 41, 48, 51, 57]. Как видно, восстановление сети клубных учреждений шло путем строительства небольших помещений, слабо приспособленных для культпросветработы.

Впрочем, даже возобновление деятельности маленького и скудно оборудованного клуба воспринималось как свидетельство возвращения к мирной жизни и признак «полноценности» сельского населенного пункта. К 1951 г. в большинстве областей Центрального Нечерноземья только около двух третей изб-читален имели собственные здания (в Калужской области – 24,2%, в Великолукской – 39,1%, в Брянской – 45,3%). Две и более комнат более 20% изб-читален имели только в Ивановской, Костромской, Московской и Орловской областях (в Брянской – 41,1%), а в остальных – 3,6-18,7%. В большинстве регионов около половины изб-читален имели только зрительный зал. Собственными зданиями располагали 75,3-100% сельских клубов, в шести областях количество клубов, имевших две и более комнат, превышало 40%, в одиннадцати областях более 50% клубов имели только зрительный зал [Там же, д. 317, л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 194, д. 318, л. 44, 103].

В результате, несмотря на трудности, восстановление клубных учреждений на селе в 1945-1950 гг. позволило в большинстве областей Центрального Нечерноземья иметь клуб или изб-читальню в каждом сельсовете [7, д. 249, л. 8-9, 12 – 12 об., 14 – 14 об., 18 – 18 об., 22 – 22 об., 24 – 24 об., 29 – 29 об., 33 – 33 об., 41 – 41 об., 48 – 48 об., 51 – 51 об., 57 – 57 об.; 41, д. 2106, л. 29, д. 3745, л. 117]. Однако после укрупнения колхозов в 1950 г. количество «очагов культуры» уменьшилось из-за преобразования их части в почти не функционирующие «красные уголки». В одной из бригад колхоза «Красный доброволец» Малоархангельского района Орловской области после укрупнения говорили: «Живем мы, будто на острове. Ни лекций, ни бесед у нас не бывает. Кино к нам не привозят, а когда бывает в колхозе на центральной усадьбе, нам не говорят, да за 6 км не всегда и пойдешь смотреть...». В отдаленных бригадах ничего не знали о текущих событиях в СССР, войне в Корее, «великих стройках коммунизма» [40, д. 471, л. 84, 85]. О том же сообщалось в письмах из Калужской, Брянской, Рязанской, Тульской областей в обкомы и ЦК ВЛКСМ, прессу [4, д. 13, л. 13; 38, д. 675, л. 118, д. 710, л. 70; 50, д. 752, л. 12 – 12 об., 13, 19].

Скудное финансирование строительства клубов побуждало партийные и комсомольские органы стимулировать «инициативу снизу» [11, с. 29; 12, с. 73; 30, с. 35; 32, с. 22]. Движение за строительство сельских клубных учреждений развернулось в конце 1946 – 1947 г. и получило отклик населения, особенно – молодежи [48]. В Брянской, Великолукской, Владимирской, Костромской, Московской, Орловской, Рязанской, Смоленской и Тульской областях было построено 554 клубов и изб-читален, 631 строились [38, д. 593, л. 14]. Чтобы ускорить строительство клубов и изб-читален и укрепить их материальную базу, в 1953 г. высказывались

предложения о передаче их в собственность колхозов с возложением «заботы о расширении культурно-просветительной сети» [Там же, д. 741, л. 8-10].

Однако «почины» не меняли сложившуюся практику финансирования: даже спустя продолжительное время после войны не удалось ощутимо улучшить условия размещения клубных учреждений, что, в свою очередь, консервировало их скромные возможности по организации досуга. В записке о состоянии культпросветработы на селе, подготовленной отделом науки и культуры ЦК КПСС в сентябре 1953 г., подчеркивалось, что «большинство культурно-просветительных учреждений по своему внешнему виду и внутреннему оборудованию не соответствует названию очага культуры...» [36, д. 451, л. 131]. К концу 1953 г. 35-70% изб-читален и 3-45% сельских клубов Орловской, Смоленской, Рязанской и Ярославской областей не имели собственных помещений, почти все – комнат для кружковой работы, представляя собой более или менее просторный зал [6, д. 33, л. 20, 76, 92, 110]. К 1953 г. только в Калининской, Костромской, Тульской, Ярославской областях количество клубных учреждений превысило их число в 1940 г., а в остальных было ниже, чем до войны: если в 1940 г. в Центральном Нечерноземье их насчитывалось 14747, то в 1953 г. – 12854 [27, с. 329-330; 28, с. 526].

Ограничивало возможности клубных учреждений и хроническое недофинансирование текущей деятельности. Клубы и избы-читальни находились на бюджете сельского Совета, который, согласно Положению о сельсоветах РСФСР от 1 января 1931 г., должен был руководить их работой [47, ст. 142]. По Положению о сельском клубе, в основе его деятельности лежала смета доходов и расходов. Доходная часть формировалась из «ассигнований по местному бюджету» (т.е. сельсовета), из средств, выделяемых колхозами, промкооперацией и другими организациями, доходов от платных мероприятий клуба и других поступлений [12, с. 363]. Но уровень финансирования часто не обеспечивал и минимума потребностей, что видно на примере исполнения смет в 1945 и 1950 гг. В 1945 г. 70-100% средств на содержание сельских клубных учреждений поступало из бюджета сельсоветов, еще от нескольких десятых долей до 1-5% – от организации платных мероприятий. В ряде областей Центрального Нечерноземья 0,5-16% доходов сельских клубов и изб-читален формировалось из средств колхозов: Устав сельхозартели допускал перечисление некоторых средств «на культурные нужды» [14, с. 430]. Впрочем, большинство колхозов не могли ничего выделить клубам или же эти суммы были незначительны: в 1945-1953 гг. они не превышали 1-3% их денежных доходов за год (чаще всего около 1-3,5 млн руб. на колхозы области) и в основном расходовались в самом колхозе [42, д. 1782, л. 5, 13, д. 1377, л. 5, 25, д. 2178, л. 5, 11, д. 2578, л. 10, 19, д. 3077, л. 9, 17, д. 3604, л. 14, 26, д. 4056, л. 16, 28, д. 4636, л. 14, 26, д. 5091а, л. 17, 25]. Всего же в 1945 г. на содержание избы-читальни поступило в среднем 126-438 руб. в месяц.

Большая дифференциация существовала в финансировании клубов. Из десяти областей, в которых они имелись, сведения об этом имеются по пяти. В Брянской области на их содержание приходилось в месяц 26,3 руб., в Ярославской – 183,9 руб., Калининской – 206 руб., Ивановской – 724,2 руб., Тульской – 2380,9 руб. Около 75-90% расходов изб-читален и 40-60% расходов сельских клубов составляла заработная плата сотрудников. На покупку книг, организацию работы с населением, ремонт и оборудование помещений приходилось 3-25% расходов изб-читален и 13-40% расходов клубов. В 1950 г. финансирование несколько улучшилось. Поступления из бюджетов сельсоветов составляли 95-100% доходов изб-читален и 85-100% – клубов. Собственные доходы имелись в семи областях у изб-читален и в восьми – у сельских клубов, однако они не превышали 0,3-4,5% их годового дохода. Колхозы восьми областей формировали 0,1-2,2% доходов изб-читален, колхозы семи областей – 1-9,1% доходов сельских клубов (в остальных областях перечислений от колхозов не было). На содержание избы-читальни в месяц выделялось в среднем 539,5-724 руб., сельского клуба – 724,5-1230,5 руб., в том числе заработная плата клубных работников – до 65% этой суммы, 12-35% шло на литературу, организацию массовой работы, ремонт и оборудование помещений [7, д. 249, л. 8, 12, 14, 18, 22, 24, 29, 33, 41, 48, 51, 57, д. 317, л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 194, д. 318, л. 44, 103].

С конца 1940-х гг. в бюджете РСФСР не предусматривалось средств на строительство и ремонт сельских учреждений культуры, а ассигнования на их оборудование и инвентарь из года в год уменьшались. Если в 1949 г. на это планировалось израсходовать в среднем на одну избы-читальню 124 рубля, то в 1954 г. – 83 рубля [6, д. 758, л. 153, 154], на оборудование сельского клуба в 1949 г. – 750 рублей, в 1950 г. – 500 рублей [37, д. 8, л. 6]. ЦСУ СССР при учете культпросветучреждений села исходило из так называемой «бюджетной единицы», для которой и планировалось выделение средств на содержание, зарплату работников, приобретение инвентаря. Но много «бюджетных единиц» вовсе не имели помещений и фигурировали только в статистических сводках [36, д. 451, л. 130].

Заведующий клубом или избы-читальней был одним из самых низкооплачиваемых работников официальных сельских учреждений. В начале 1949 г. его оклад был не выше 435 руб., заведующего сельской библиотекой – до 590 руб., налогового агента – до 460 руб., агента районного уполномоченного Министерства заготовок – 425 руб., председателя сельсовета – до 450 руб., секретаря сельсовета – до 360 руб. [8, д. 276, л. 19, 26]. Кроме бесплатных коммунальных услуг, других льгот культпросветработники села не имели. Не предусматривалось повышение оклада за профильное образование [40, д. 437, л. 118]. Все это препятствовало комплектованию должностей работников культуры специалистами. Так как финансирование текущей деятельности сельских учреждений культуры и вообще социальной сферы села производилось за счет отчислений в местный бюджет налогов с населения и колхозов, средств самообложения и займов, провалы в мобилизации финансов приводили к недофинансированию сельских клубов, частным задержкам заработной платы [7, д. 172, л. 253, 254, д. 233, л. 74; 25, с. 149-152; 39, д. 341, л. 34; 40, д. 95, л. 88, 89].

Сельские учреждения культуры мыслились как средоточие на селе «предметов культуры», обеспечивающих организацию разноплановой «культурно-просветительной» работы. Но их скудный бюджет часто ставил

под вопрос своевременное и полноценное обеспечение инвентарем, что на протяжении многих лет становилось ахиллесовой пятой их деятельности.

Во второй половине 1940-х гг. действовал запрет Наркомторга СССР продавать культурно-просветительным учреждениям по безналичному расчету необходимые «культуртовары», вынуждая их работников идти на ухищрения [26, с. 228; 40, д. 437, л. 12]. В конце 1945 г. большинство изб-читален и сельских клубов имели только самую простую обстановку – стулья, столы, шкафы. Среди собственно «культурного» инвентаря наибольшее распространение имели географические карты, имевшиеся в 13-100% изб-читален и 12,1-100% сельских клубов. Баяны и гармоны имели 0,7-20,6% изб-читален, 7,1-14% сельских клубов (в Ивановской и Рязанской областях они имелись во всех клубах, в Костромской – в 63,6%, в Тульской – 42,8%, а в клубах пяти областей их не было). Гитарами располагали 0,7-28,5% изб-читален и 2,4-36,3% сельских клубов (в Тульской области – 71,4%). Полностью отсутствовали духовые инструменты, было мало патефонов, имевшихся в 0,6-15,5% изб-читален (в Калининской области – 21%, в Костромской области – 31,5%) и в 3,2-67,5% сельских клубов (в клубах пяти областей их не было) [7, д. 249, л. 8-9, 12 – 12 об., 14 – 14 об., 18 – 18 об., 22 – 22 об., 24 – 24 об., 29 – 29 об., 33 – 33 об., 41 – 41 об., 48 – 48 об., 51 – 51 об., 57 – 57 об.]. Немного улучшилась обеспеченность инвентарем к началу 1950-х гг.: струнные инструменты имелись в каждой третьей-четвертой изб-читальне и в 32-74% сельских клубов, баяны и гармоны – в 17-54% изб-читален и 22-64,3% сельских клубов (в Костромской области – в 69%, во Владимирской – 70%, в Рязанской – 72,9%, Калининской – 80%). Патефон был в 8,1-34,2% изб-читален (в Костромской области – в половине) и 9-35% сельских клубов (в Ивановской области – в 47,3% в Великолукской – в 67,1%) [Там же, д. 317, л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 194, д. 318, л. 44, 103].

Собственную библиотеку в 1945 г. имели 8,7-65,2% изб-читален и 5,2-45,8% сельских клубов. В большинстве изб-читален объем книжного фонда не превышал 300 экз. (больше – только в Великолукской и Костромской областях), а число читателей, приходившееся в среднем в год на библиотеку, в восьми областях составляло не более 100 чел. В Брянской, Владимирской, Калининской и Тульской областях объем книжного фонда сельских клубов в среднем не превышал 300 экз., в Ивановской составлял 352,8 экз., в Ярославской – 784, в Костромской – 860. Число читателей, приходившееся в год на библиотеку сельского клуба, превышало 200 человек только в Костромской и Тульской областях [Там же, д. 249, л. 12, 14, 18, 22, 24, 29, 33, 41, 48, 51, 57]. При этом следует учесть, что сельским бюджетом предусматривалось выделение средств на выпуск газет и журналов, но не на пополнение книжного фонда [40, д. 565, л. 25]. К началу 1951 г. собственной библиотекой располагало уже 52,8-91% изб-читален и 28,3-75,1% клубов. Увеличился и объем их книжного фонда: в библиотеке изб-читальни он составлял в среднем 245-605 экз., в библиотеке сельского клуба – 345-1006 экз. Число читателей библиотек изб-читален составляло в среднем 70,1-161 чел., библиотек клубов – 105-186 чел. (в Тульской области – 343 чел.) [7, д. 317, л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 194, д. 318, л. 44, 103].

Абсолютное большинство сельских клубных учреждений областей Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х гг. не имели собственных киноустановок и сдавали в аренду помещение для кинопередвижек Министерству кинофикации. В начале 1946 г. собственными киноустановками располагало 0,2-0,8% изб-читален (в Московской области – 3,5%, в шести областях изб-читальни их не имели) и 2,6-18,1% сельских клубов (в пяти областях клубы собственных киноустановок не имели). К началу 1951 г. киноустановки имелись в 0,13-12,1% изб-читален (в Московской области – 26,1%) и в 1,1-26,6% сельских клубов (в Московской области – 56,1%) [Там же, д. 249, л. 8-9, 12 – 12 об., 14 – 14 об., 18 – 18 об., 22 – 22 об., 24 – 24 об., 29 – 29 об., 33 – 33 об., 41 – 41 об., 48 – 48 об., 51 – 51 об., 57 – 57 об., д. 317, л. 49-51, 54-56, 59-61, 87-89, 102-104, 108-110, 122-124, 194-196, д. 318, л. 44-46, 103-105]. В 1945 г. в большинстве областей Центрального Нечерноземья киносеансы проводило до 50% изб-читален (в Калининской – 65,4%, в Ивановской – 79,8%, во Владимирской области – 89,6%). До 50% сельских клубов проводили киносеансы в Брянской, Великолукской, Костромской, Рязанской, Тульской и Ярославской областях, свыше 50% – во Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской и Ярославской областях. В 1945 г. в большинстве изб-читален киносеансы проводились до 20 раз в год, в большинстве сельских клубов – до 30 раз. В 1950 г. в изб-читальных киносеансы проходили 20-30, в сельских клубах – 40-50 раз в год [Там же].

Пик радиофикации сельских клубных учреждений областей Центрального Нечерноземья достигается к началу 1950-х гг., когда радио располагало 70-90% изб-читален и сельских клубов (в начале 1946 г. радиопередачи можно было слушать в 15-20% из них). При отсутствии радио в домах большинства колхозников клуб или изб-читальня наряду с правлением колхоза, помещением сельсовета и уличным громкоговорителем были одним из немногих мест деревни, где можно было послушать радиопередачу [Там же, д. 317, л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 125, 194, д. 318, л. 44, 103].

Как видно, к началу 1950-х гг. обеспеченность сельских клубных учреждений инвентарем кардинально не улучшилась, а большие межобластные колебания говорят о последствиях войны (особенно на территориях, где шли боевые действия), разной собираемости налогов и займов, упадке хозяйства колхозных дворов и колхозов – основных налогоплательщиков села Центрального Нечерноземья.

Недофинансирование ограничивало спектр досуга, который сельские клубные учреждения могли предложить населению. Согласно Положениям о сельском клубе 1946 и 1948 гг., его деятельность должна была «способствовать повышению культурного уровня населения», его воспитанию «как активных и сознательных строителей коммунистического общества», а первостепенная задача состояла в «разъяснении текущих политических событий, повседневной информации о решениях коммунистической партии и советского правительства, о постановлениях местных партийных и советских органов и мобилизации населения на их выполнение». На клуб возлагались развертывание социалистического соревнования, ведение научно-просветительной

и агрозоотехнической пропаганды, справочной работы, содействие самообразованию населения, распространению «военных знаний», физкультуры и спорта, развитию народного творчества и художественной самодеятельности, а также (в последнюю очередь) – «организация культурного отдыха и художественного обслуживания трудящихся и членов их семей» [23, с. 360-361; 45, с. 3-4].

Кроме того, организация большинства «чисто» досуговых мероприятий была сложнее и затратнее, чем политическое информирование методами пропаганды и агитации, поэтому среди направлений клубной работы последнее было ведущим. Сельские клубные учреждения стали базой для развертывания созданной по постановлению СНК РСФСР от 25 августа 1945 г. сети лекционной пропаганды при местных Советах. Большинство из них выполняли рекомендованный Положением о сельском лекторе от 14 июня 1949 г. минимум лекционной пропаганды (ежемесячно 2-3 лекции в клубе и по одной – в ближайших населенных пунктах) в основном за счет лекций на «общественно-политические» темы. В конце 1940-х гг. на одного сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья приходилось в среднем 0,7-3,4 посещения клубных лекций и докладов в год [19, с. 80-81], что свидетельствует об охвате клубной лекционной пропагандой малой части потенциальной аудитории села.

Еще меньшее количество населения (в основном – молодежь) затрагивала кружковая работа. В 1947 г. в областях Центрального Нечерноземья на одну избучитальню в среднем приходилось 2,7-5,3 кружков (в сельских клубах – 3,4-4,6), которые посещало 0,02-0,06% сельского населения. В 1949 г. на избучитальню в среднем приходилось 3,3-4,8 кружков (на сельский клуб – 3,7-6,1), посещавшихся 0,03-0,07% сельского населения. При этом следует отметить, что вторая половина 1940-х гг. была временем многообразия тематики кружковой работы. В 1947 г. сельские клубные учреждения могли предложить посетителям более десятка тематических кружков, наиболее распространенными из которых были политические, которые посещало 12,4-33% всех вовлеченных в кружковую работу, агро- и зоотехнические – 13,1-29%, хоровые – 1,2-27,3%, драматические – 13-30,8%. Также действовали общеобразовательные, литературные, военно-оборонные и другие. Примерно такое же распределение аудитории кружков сохранилось и в 1949 г. В 1950 г., по сравнению с 1947 г., число и аудитория кружков выросли более чем на четверть [5, д. 416, л. 34-35, д. 631, л. 35, 41, 43, 75, 111, д. 526, л. 37, 68, 87, 142, 168, д. 657, л. 31, 37, 66, 88, 94, 133, 225, д. 632, л. 18, 19, 48, 99, 144, 177, д. 756, л. 23, 27, 33, 36, 40, 67, 96, 110, д. 757, л. 20, 51, 74, 104, 131, 171; 7, д. 280, л. 8-10, 34-36, 82-84, д. 282, л. 44-46, 48-50, 53-55, 82-84, 96-98, 102-104, 117-119, д. 281, л. 36-38, 89-91, 112-114, д. 306, л. 63-65, 67-69, 71-73, 91-93, 103-105, 111-113, 127-129, д. 307, л. 21-23, 37-39, 51-53, 71-73, 95-97].

Ближе к «чистому» досугу находилась организация концертов, вечеров художественной самодеятельности, выступлений агитбригад, хотя власть рассматривала самодеятельное художественное творчество как «одно из средств коммунистического воспитания советского народа» [35, д. 187, л. 1]. Частота их проведения также была невелика, а количество год от года колебалось. В 1947 г. 80-90% избучитален и клубов проводили спектакли и выступления художественной самодеятельности, организовав в среднем на одно учреждение 6-45,6 мероприятий. 70-90% сельских клубных учреждений организовывали вечера танцев. Агитбригады имелись при 9-60% сельских клубов и избучитален (в Тульской области – при 85%), выступая в среднем 5,4-31 раза в год. В 1949 г. мероприятия с участием художественной самодеятельности организовывали 90-100% сельских клубных учреждений, в каждом из которых состоялось в среднем 5,6-10,4 выступлений, вечера танцев – 50-60% клубов и избучитален (в Орловской области – 95,6%, в Смоленской – 100%). Агитбригады действовали при 17,2-46,5% сельских клубных учреждений, проводя в год в среднем 6,2-16,6 выступлений. В 1950 г., по сравнению с 1947 г., состоялось 86,1% выступлений самодеятельности, 55% – агитбригад [7, д. 280, л. 8-10, 34-36, 82-84, д. 282, л. 44-46, 48-50, 53-55, 82-84, 96-98, 102-104, 117-119, д. 281, л. 36-38, 89-91, 112-114, д. 306, л. 63-65, 67-69, 71-73, 91-93, 103-105, 111-113, 127-129, д. 307, л. 21-23, 37-39, 51-53, 71-73, 95-97, д. 317, л. 49-51, 54-56, 59-61, 87-89, 102-104, 108-110, 122-124, 125-127, 194-196, д. 318, л. 44-46, 103-105].

В послевоенные годы восстанавливается многоуровневая система смотров художественной самодеятельности [44, с. 77], вершину которой венчали концерты на сценах Москвы. В 1947-1948 гг. состоялся первый Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности с заключительным концертом в Большом театре, который, как фильм «Песня колхозных полей», демонстрировался в кинотеатрах. В период смотра было создано 11,5 тыс. новых самодеятельных коллективов. В 1951 г. прошли заключительные концерты смотра самодеятельности творческих коллективов СССР [16, с. 31]. Особое внимание уделялось агитбригаде как наиболее оперативной и приближенной к населению форме самодеятельности с большим утилитарным потенциалом. Уже в постановлении СМ РСФСР № 844 от 31 декабря 1946 г. «О мероприятиях по улучшению работы районных домов культуры» местным органам культпросветработы рекомендовалось создавать при районных домах культуры агитбригады для «обслуживания» населения в период подготовки выборов в Советы, во время сельскохозяйственных кампаний, революционных праздников и юбилеев [31, с. 21].

На деле самодеятельность часто существовала в отрыве от опеки партийной пропаганды и Домов народного творчества, которые должны были оказывать самодеятельным коллективам методическую помощь и «направлять» при выборе репертуара. Подведение итогов сельских и районных смотров самодеятельности в 1947 г. показало, что в ее репертуаре было много подготовленных насмешек «вредных» пьес, инсценировок старинных свадебных обрядов «без критического подхода». Самодеятельные хоры исполняли песни, имевшие «только этнографическое значение». Вместо «содержательных народных танцев» демонстрировалось много «вариаций чечетки», западноевропейских танцев, а также «чуждых народу безвкусных “лубков”». Кружки художественной самодеятельности собирались только «под большой праздник» или если удавалось достать новую пьесу [10, с. 18; 18, с. 26, 27; 49, с. 48]. Материалы партийных и комсомольских органов полны свидетельств этого [38, д. 675, л. 119, 120, д. 742, л. 95-96; 45, с. 25-28].

Кроме государственных клубных учреждений на селе действовали красные уголки и клубы колхозов, однако во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. количество их было невелико и непостоянно, работа зачастую хаотична вследствие бедственного положения колхозов, на содержании которых они находились. Работали также ведомственные клубы и библиотеки, подчинявшиеся райкомам отраслевых профсоюзов и обслуживавших «свои» аудитории. Вход в них для «посторонних» часто был закрыт, как это было в Ясной поляне Тульской области, где из-за недоступности ведомственного клуба шахтеров молодежь осаждала многочисленные закусовые, после чего устраивала драки [50, д. 810, л. 308].

Слабая материальная база сельских клубов, узкий спектр возможностей по организации досуга, периферийное положение культпросветработы по сравнению с хозяйственно-политическими кампаниями, малое количество свободного времени сельского населения, не знавшего официальных выходных и праздничных дней (в первой половине 1950-х гг. крестьянская семья вырабатывала около 5 тыс. часов в год [2, с. 58]), тяжелые условия труда и быта формировали в сфере досуга значительное неподконтрольное власти пространство, заполнявшееся элементами традиционной досуговой культуры крестьянства, профанированными попытками подражания западной музыкальной культуре.

Дефицит клубного досуга приводил к «присвоению» функций клубов железнодорожными станциями, пристанями, общежитиями и другими людными местами [50, д. 290, л. 9-10]. В письме из Воловского района Тульской области в 1947 г. сообщалось: «Вечером вся молодежь уходит на вокзал и начинает устраивать веселие, но какое может быть там веселие. <...> Толкаются со стороны в сторону... Во время выдачи билетов часто выходит кассир и выгоняет всю эту шарашкину публику. <...> Начальник станции часто выгоняет эту публику, отнимает гармошку, но ничего не может поделать...» [Там же, д. 548, л. 31 – 31 об.].

Сельское руководство закрывало на глаза на кризис клубных учреждений, а часто само принимало участие в традиционных развлечениях. В справке секретарю ЦК ВЛКСМ А. Е. Харламову о состоянии культпросветработы в Смоленской области (середина 1947 г.) сообщалось, что из-за слабой материальной базы сельских клубов и «безучастного отношения» к их работе комсомола нередкими были случаи хулиганства молодежи, пьянок, посещения церквей, гаданий, веры в чудеса [38, д. 458, л. 100]. Проверка Орловского обкома ВЛКСМ в начале 1953 г. показала запустение многих клубов и изб-читален и широкое распространение «посиделок», где пили, сквернословили, играли в карты. В 1952 г. в области к уголовной ответственности было привлечено 1960 молодых людей, в том числе 199 комсомольцев. 88 культпросветучреждений села «использовались не по назначению». В селах Сосковского, Кромского, Елецкого районов жила традиция кулачных боев в дни религиозных праздников [Там же, д. 742, л. 95, 99]. В колхозе «Коммунар» Троснянского района на Покров день (15 октября 1949 г.) в них принимали участие не только колхозники, но и секретарь колхозной парторганизации и председатель колхоза. Райпо организовало в местах поединков торговлю водкой [7, д. 100, л. 18]. Кулачные бои происходили и в Шиловском, Спасском и Рыбновском районах Рязанской области [38, д. 675, л. 123].

Таким образом, стремясь нивелировать общественное мнение в условиях материальной и технологической отсталости культуры села, власть в середине 1940-х гг. обособила культпросветработу, формально отказавшись от сплошной идеологизации и пыталась расширить ее содержание. Однако скудость средств, на которые могли рассчитывать сельские клубы, предопределила их медленное восстановление, узкий спектр форм работы, основанных преимущественно на живом слове, склонение организации досуга политической информацией. В сочетании с малым бюджетом свободного времени большинства сельских жителей, живучестью подчинявшихся религиозному ритму форм его проведения все это оставляло многих в деревне Центрального Нечерноземья вне клубного досуга или вовлекало в его орбиту время от времени.

Список литературы

1. Анохина Л. А., Шмелёва М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964. 352 с.
2. Безнин М. А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье 1950-1965 гг. М. – Вологда, 1991. 256 с.
3. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х – начало 1960-х гг. / отв. ред. И. Е. Зеленин. М.: Наука, 1992. 222 с.
4. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. 42. Оп. 16.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11.
6. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1.
7. ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1.
8. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41.
9. Денисова Л. Н. Невосполнимые потери: кризис культуры села в 60-80-е годы. М.: Наука, 1995. 182 с.
10. За высокую идейность художественной самодеятельности // Культурно-просветительная работа. 1947. № 2. С. 17-19.
11. Зуева Т. О задачах культурно-просветительной работы в деревне (сокращенная стенограмма доклада на Всероссийском совещании по культурно-просветительной работе 11 июня 1947 г.) // Культурно-просветительная работа. 1947. № 8. С. 24-37.
12. Из приказа Председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР № 251 от 9 октября 1946 г. // Культурно-просветительная работа. 1946. № 12.
13. Исторический материализм / под общ. ред. Ф. В. Константинова. М.: Госполитиздат, 1950. 747 с.
14. История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР: в 2-х т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. М.: Госюриздат, 1959. Т. 1. 1917-1936 гг. 517 с.
15. История советского крестьянства: в 5-ти т. / отв. ред. И. М. Волков. М.: Наука, 1988. Т. 4. Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества (1945 – конец 1950-х гг.). 395 с.
16. Кабанов П. И. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1946-1953 гг. / отв. ред. В. Е. Быстров. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 133 с.

17. Ключко Е. М. Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945 – 1985 г.): теоретико-методологический и исторический аспекты. 3-е изд-е. М.: МГУКИ, 2007. 161 с.
18. Ковшаров В. К итогам смотра сельской художественной самодеятельности // Культурно-просветительная работа. 1947. № 7. С. 23-28.
19. Кометчиков И. В. Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: организация и функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. I. С. 80-87.
20. Кораблино – село русское / отв. ред. и рук. авторск. колл. В. И. Селиванов. М.: Советская Россия, 1961. 176 с.
21. Культурно-досуговая деятельность [Электронный ресурс] / под ред. В. М. Чижилова, А. Д. Жаркова. М., 1998. URL: <http://www.twirpx.com/file/326002/> (дата обращения: 18.07.2014).
22. Культурно-просветительная работа в СССР / под ред. Т. А. Ремизовой. М.: Просвещение, 1974. 272 с.
23. Культурно-просветительная работа на селе: сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. М.: Московский рабочий, 1950. 430 с.
24. Литовкин Е. В. Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период. Рязань: РЗИ (ф) МГУКИ, 2004. 209 с.
25. Литовкин Е. В. Культурно-просветительная работа России послевоенного периода в историко-педагогическом контексте. М.: МГУКИ, 2004. 352 с.
26. Материалы по культурно-просветительной работе: сборник. М.: Советская Россия, 1959. 301 с.
27. Народное хозяйство РСФСР в 1956 году: статистический ежегодник. М.: Госстатиздат, 1957. 371 с.
28. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году: статистический ежегодник. М.: Госстатиздат, 1963. 608 с.
29. Никитина Г. Я. История культурно-досуговой деятельности. М.: МГУКИ, 1998. 65 с.
30. О задачах культурно-просветительных учреждений в связи с постановлением февральского пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период»: Приказ Председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР № 73 от 20 марта 1947 г. // Культурно-просветительная работа. 1947. № 3. С. 34-36.
31. О мерах помощи сельским клубам и избам-читальням: Постановление СМ РСФСР № 632 от 21 сентября 1946 г. // Культурно-просветительная работа. 1946. № 12. С. 23-24.
32. О мероприятиях по улучшению работы районных домов культуры: Постановление СМ РСФСР № 844 от 31 декабря 1946 г. // Культурно-просветительная работа. 1947. № 2. С. 20-23.
33. Пиналов С. А., Чернявский Г. И., Виноградов А. П. История культурно-просветительной работы в СССР. Киев: Вища школа, 1983. 262 с.
34. Романовский Н. В. Лики сталинизма. М.: РАГС, 1995. 227 с.
35. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2329. Оп. 10.
36. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17.
37. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34.
38. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 32.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125.
40. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132.
41. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 11.
42. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324.
43. Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села) / рук. авторск. колл. В. И. Селиванов // Учёные записки Рязанского государственного педуниверситета. Рязань: Касимовская типография Рязаньполиграфиздата, 1957. Т. XVIII. 1957 г. 437 с.
44. Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1930-1950-е гг.: в 2-х кн. / ред. С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин. М.: Государственный институт искусствознания, 1995. Кн. 1. 302 с.
45. Сборник руководящих материалов по клубной работе: в помощь сельским клубным работникам. 2-е изд-е, перераб. и доп. М.: Госкультпросветиздат, 1951. 56 с.
46. Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. М.: Госкультпросветиздат, 1947. 140 с.
47. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. М.: Советск. законодат., 1931. № 11. Ст. 142.
48. Тамбовский комсомол: грани истории. 1946-1991 [Электронный ресурс] / А. А. Слезин, Д. М. Олейников, А. А. Беляев и др. Тамбов: Юлис, 2010. 384 с. URL: <http://gaspito.ru/index.php/publication/34-izdaniya/141-tambovskii-komsomol-soderzhanie> (дата обращения: 30.08.2014).
49. Улучшить работу сельских самодеятельных драматических кружков // Культурно-просветительная работа. 1947. № 3. С. 48-49.
50. Центр новейшей истории Тульской области. Ф. 188. Оп. 1.

**CLUB ESTABLISHMENTS IN CULTURE OF EVERYDAY LEISURE
OF CENTRAL NON-BLACK EARTH REGION VILLAGE IN 1945-1953**

*Kometchikov Igor' Vyacheslavovich, Ph. D. in History
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
kometchikov.igor@mail.ru*

In the middle of the 1940s the authorities singled out cultural and educational activity in a separate department seeking to neutralize after-victorious mood contradicting the ideology and to mobilize public opinion around the idea of “soviet patriotism” in the conditions of material and technical backwardness in the sphere of village culture. However, chronic underfunding slowed the recovery of club establishments and limited the range of leisure they could offer. In combination with high employment and the survival of the traditional forms of leisure culture it left most of the rural population of the Central Non-Black Earth region outside everyday club leisure.

Key words and phrases: Central Non-Black Earth region village; cultural and educational establishments; reading rooms; village clubs; culture of collective farm; leisure; daily routine.